

УДК 008: 821.161.1.09

*Е.Г. Серебрякова***ДИССИДЕНТКА В ПОИСКАХ САМОИДЕНТИЧНОСТИ
(ПО ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМУ НАСЛЕДИЮ Н. ГОРБАНЕВСКОЙ)**

Исследователь анализирует авторскую стратегию Н. Горбаневской в текстах 1968 года: очерке «Бесплатная медицинская помощь», альманахе «Хроника текущих событий» и книге «Полдень». Цель работы – выявить способы самоидентификации автора и оценить специфику нарратива. Исследователь изучает динамику авторской стратегии Н. Горбаневской и приходит к выводу: авторская стратегия в каждом тексте определяет тип нарратива. Самоидентификация производится традиционным для диссидентского сообщества способом: автор характеризует себя борцом с режимом.

Ключевые слова: диссиденты, неконформисты, стратегия автора, Н. Горбаневская.

«Оттепель» в культуре характеризовалась открытием личности. Внимание к духовному миру современника стимулировало развитие эго-текстов – дневников, воспоминаний, автобиографий. Расцвет мемуарной прозы переживала как официальная литература, так и самиздат. Вне зависимости от принадлежности к тому или иному сообществу – Союзу писателей или неконформистам – создатели эго-текстов осмысливали себя во взаимосвязях с народом, социумом и эпохой. Но если в первом случае авторы фиксировали путь социальной адаптации или интериоризации, то во втором перед читателем разыгрывалась история конфронтации: автор стремился запечатлеть становление борца с режимом, склонить читателя к сочувствию и пониманию вместо осуждения, сопутствующего образу неконформиста в официальной прессе. Для литератора поиск личностной и социальной идентичности неизменно сопровождается исканиями в области поэтики, ведёт к обретению собственного художественного слова. Анализ специфики типа нарратива, найденного автором, позволяет осмыслить самоидентичность создателя текста, оценить его самосознание.

В качестве объекта исследования выбраны тексты Натальи Горбаневской, одной из активных участниц правозащитного движения, поэтессы и переводчицы. В 1960-е гг. она публиковалась в самиздате (в журналах «Синтаксис», «Феникс»), тогда же за рубежом вышли первые поэтические сборники (в 1969 г. в ФРГ, в 1973 в Америке). В России официальные издания её стихов датируются 1990-ми гг. Не допущенная в литературный процесс шестидесятых годов, она, тем не менее, снискала популярность, однако отнюдь не художественными текстами, а гражданской деятельностью как активистка правозащитного движения.

В 1968 г. Горбаневская создала три текста, принципиально различающиеся по типу нарратива и способам самоидентификации: очерк «Бесплатная медицинская помощь», альманах «Хроника текущих событий» и мемуары «Полдень». Анализ текстов позволит выявить творческую динамику автора, осмыслить направление поиска повествовательных техник и приёмов, принятых в неконформистском сообществе в качестве нормативных.

Фабулу очерка «Бесплатная медицинская помощь» составляет борьба рассказчицы, помещённой в отделение патологии роддома с угрожающим для беременности диагнозом, за право выписаться из больницы. Ситуация изначально получает диссидентский дискурс: эпизод частной жизни имеет социально-политическую интерпретацию. Противостояние героини врачам осмыслено как борьба личности за гражданские права. В эпиграфе заявлено об угрозе обществу со стороны государства: «"Пока этот произвол не остановлен и не осуждён, никто не может чувствовать себя в безопасности"» Из письма по поводу процесса Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой» [2. С. 201]. События очерка доказывают исходный тезис. Повествование открыто рассказом о письме 170 граждан в защиту А. Гинзбурга, Ю. Галанскова, А. Добровольского и В. Лашковой, отправленном за 10 дней до описываемых событий в адрес властных структур. Пять человек (А. Есенин-Вольпин, И. Габай, Н. Горбаневская, В. Красин, Б. Ратновский) указали свои адреса и фамилии для возможного обратного ответа, взяв таким образом на себя ответственность за составление послания. Двое, Вольпин и Горбаневская, имеют давний диагноз «шизофрения», он помещён в психбольницу, рассказчица ждёт той же участи и воспринимает удержание себя в роддоме как подтверждение её неотвратимости. Поведение героини обусловлено тактикой сопротивления, в которую включаются друзья, активно ходатайствующие о её освобождении. Вскоре она, действительно, направлена в психбольницу на консульта-

цию. Это событие безоговорочно расценено как карательная акция, и благополучная развязка – недоумение психиатров по поводу госпитализации здорового человека и выписки домой – не убеждают рассказчицу в отсутствии «руки КГБ». На примере частного случая демонстрируются наиболее общие законы социальности – повсеместное нарушение свободного волеизъявления граждан, плановость репрессий в адрес инакомыслящих.

Предложенная трактовка событий может показаться стороннему читателю неадекватной. Более вероятной кажется другая версия. Врачам, не посвящённым в подробности диссидентской активности пациентки и причины её страхов, требование немедленной выписки должно было показаться необоснованным. Медики, видя взвинченное состояние больной, игнорирующей явную угрозу потери ребёнка, получили из женской консультации сведения о её психической патологии (обычная практика медучреждений такого рода) и решили подстраховаться на случай драматичного развития событий: отправили на консультацию к специалисту. Диагноз психиатров свидетельствует о независимости принятого решения. Очевидно, что КГБ в данном случае давления на них не оказывал. Зато о госпитализации дочери в психбольницу в тот момент просила мать Горбаневской, с которой та состояла в ссоре. Семейный конфликт вынудил дочь уйти на съёмную квартиру, определить старшего сына в детский сад на пятидневку и справляться с жизненными трудностями самостоятельно. Безусловно, участие матери в этой истории должно было глубоко ранить дочь, ничего о том не подозревавшую во время создания очерка. Но и узнав все обстоятельства дела, она не сочла нужным редактировать текст и разрушать выстроенную концепцию. Аналогичным образом поступит несколькими годами позже А. Солженицын в книге «Бодался телёнок с дубом». Излагая историю своих взаимоотношений с редакцией «Нового мира» и А. Твардовским, он откорректирует подлинные события и создаст концептуально точный и убедительный рассказ о героическом сопротивлении борца-одиночки тоталитарному государству.

Концепция очерка фиксирует индивидуальную травму, осмысленную как общественно значимую: в государстве, где насилие над личностью возведено в норму социальной практики, каждый гражданин уязвим и незащищён. Констатация глубочайшей травмы, пережитой героиней, составляет основное содержание текста и реализуется в форме репрезентации. Её манера артикуляции свидетельствует о стремлении сохранить интеллектуальный и психо-эмоциональный контроль над ситуацией, всё очевиднее утрачиваемый по мере развития событий.

Текст составлен из записок, отправленных из больницы друзьям. Каждая, в свою очередь, разбита на дополнительные части (дневниковые записи одного или нескольких дней, сиюминутные ощущения, рассуждения и прочее), визуально отделённые друг от друга. Фрагментарность текста отражает раздробленность картины мира, с трудом поддающегося рационализации. Рассказчица описывает происходящее с чрезмерными подробностями, что свидетельствует о затруднениях с оценкой масштабов событий: каждая мелочь разрастается в её восприятии до глобальных размеров, требующих фиксации внимания и усилий осмысления. Детализированность повествования сопровождается эмоциональной интенсивностью. Постоянные эмоции – раздражение, тревога и страх – перемежаются недолгим спокойствием и вновь сменяются крайней нервозностью: «Меня надо вытаскивать СРОЧНО (выделено автором – Е.С.), потому что я верю в возможность любого изуверства. <...> Я здесь вправду сойду с ума» [2. С. 207].

Эмоциональные сбои проходят на фоне смысловой «смещённости»: преобладающая риторика жалобы, плача совмещается с резонёрством, внезапно возникающей лирической интонацией. При этом в пределах одного фрагмента (например, записка № 2) мысль «скачет» с одной темы на другую. Овладеть собой, а значит, и ситуацией героине явно не удастся.

Очевидно, что негативизм в оценке повседневной советской реальности является корпоративной эмоцией диссидентов. Однако в её реализации различается и степень, и авторская стратегия. Например, в публицистике Л. Чуковской или А. Солженицына преобладает гнев, имеющий всегда конкретный адрес и источник – цензуру (Солженицын «Открытое письмо Секретариату Союза писателей», Чуковская «Не казнь, но мысль. Но слово», «Прорыв немоты»), карательную психиатрию (Солженицын «Вот как мы живём»), конформизм профессионального сообщества (Чуковская «Открытое письмо Михаилу Шолохову, автору “Тихого Дона”», Солженицын «Поминальное слово о Твардовском»). Гнев, как концентрированная эмоция, точно соответствует классической поэтике. «Старшие шестидесятники», выдержав статьи в традициях ораторского искусства, дали образцы «высокого стиля» гражданской публицистики и реализовали стратегию преодоления травмы: мир в их текстах сохраняет устойчивость, автор как субъект – целостность, а письмо – стабильность. Горба-

невская реализует негативизм в гораздо более сниженном, «бытовом» варианте. В тексте господствует бессубъектное раздражение, распространяющееся на всех и вся: соседок по палате, врачей, случайных соучастников драмы, больничную одежду, бытовые реалии, и прочее, и прочее. За всепоглощающим раздражением рассказчицы скрывается страх перед вероятным вмешательством КГБ в её участь. Оценка происходящего с ней ведется по аналогии с судьбой Вольпина, опорой становятся не столько факты, сколько собственное представление о реальности, что подтверждает неспособность освоить травматический опыт.

Состояние крайнего ужаса охватывает рассказчицу в момент насильственного перевода в психдиспансер и порождает типичное для стрессовой ситуации «отставание репрезентации»: «не находя сил» [2. С. 209] для немедленной артикуляции, она излагает события только через 3 дня.

Как видим, специфика речи (фрагментарность, детализированность, эмоциональная напряжённость, смысловая «смещённость», риторическое «отставание») выдает симптоматику глубочайшего душевного потрясения. Удастся ли при этом героине сохранить личностную целостность? Или мы являемся свидетелями разрушения идентичности?

Самоидентификация рассказчицы двойственна: она «беременная» и «диссидентка». Каждая из позиций предполагает разные ценностные приоритеты и диктует свою поведенческую тактику. Патологическая беременность требует заботы о здоровье ребёнка и подчинения врачам, диссидентка обязана активно отстаивать гражданские права и бороться с любой формой беззакония. Поведение героини свидетельствует о первоначальном доминировании идентичности «диссидентка»: в своей социальной активности она видит подлинные причины насильственного удержания в роддоме и борется с врачами как с представителями власти: «...я всё более привыкаю видеть во враче почти такого же противника, как в гебешнике» [2. С. 204]. Диссидентский дискурс диктует картину мира, сконструированную из бинарных оппозиций: «жертва беззакония» и «палачи», то есть она сама и вездесущее КГБ; «свои» – единомышленники и «чужие» – врачи; духовно свободные неконформисты и одурманенная идеологией толпа; рефлексирующая героиня и бездумно действующие преследователи и т. д. Логика повествования подчинена концепции: в рассказ о злключениях в больнице вживлены рассуждения о важнейших для неконформистов темах: неизбежность столкновения свободолюбивой личности с властью, взаимоотношения интеллигенции и народа, нравственное превосходство «жертвы» над «палачами», необходимость вмешательства международной общественности в защиту диссидентов. В своём новом статусе – беременная – она видит лишь подтверждение аксиомы: государство враждебно личности, насилие в данном случае особенно возмутительно, поскольку свершается с женщиной в момент её наибольшей уязвимости. Однако по мере развития событий идентичность «диссидентка» утрачивается. В претензиях рассказчицы к врачам всё явственнее звучит голос испуганной женщины, нуждающейся в защите. По мере ужесточения ситуации новая идентичность вытесняет прежнюю. Её поведением в психдиспансере руководит ужас за себя и страх за ребенка.

Восстановление первоначальной идентичности происходит, когда опасность минует. Очерк завершается декларацией неизменности диссидентской гражданской позиции, не поколебленной пережитым испытанием: «Если меня хотели запугать, выбить из колеи, психически травмировать – из этого ничего не вышло. Я спокойна, я спокойно жду ребёнка, и ни ожидание, ни рождение его не мешают мне заниматься тем, чем я пожелаю, – в том числе участвовать в каждом протесте против каждого проявления произвола» [2. С. 213]. Однако заявление рассказчицы не снимает у читателя ощущения не преодоленной ею травмы. Героиня продолжает колебаться в адекватности собственной трактовки произошедшего: «И правда, думаю, может, не было никакого указания? Может, сами врачи роддома дошли до такого безумного решения? <...> Возможно, что на врачей роддома, не имеющих опыта в таких делах, легче было оказать давление, чем на психиатров, которые знают, в каких случаях они обязаны подчиниться, а в каких это зависит только от их порядочности (мне, кажется, попались врачи – порядочные люди).

Не будь я беременна, дело могло бы сложиться хуже. <...> Видимо, больница не очень хотела связываться с этим сомнительным делом. И скандал, если бы меня продолжали там задерживать, вышел бы намного скандальнее, чем в любом другом случае. <...>

Не знаю, убедительна ли для других моя убежденность в том, что органы госбезопасности здесь замешаны. Но, так это или не так, произвол очевиден и вопиющ, кто бы ни был его вдохновителем» [2. С. 213]. Обилие вводных конструкций «может», «возможно», «видимо», «кажется», «так это или не так» передаёт высокий уровень сомнения в собственной версии, а слишком очевидная тавтология «скандал... вышел бы скандальнее», «убедительна ли ... убежденность» свидетельствует о не

полном восстановлении речевой компетенции. Показательно, что личностная стабилизация произошла с рассказчицей не за счёт мобилизации психо-эмоциональных сил и душевных резервов, а вследствие благополучного разрешения ситуации извне. Однако победного финала требовала специфика диссидентского дискурса: способность вытерпеть насилие государства представлена как испытание, через которое необходимо пройти для подтверждения неконформистского статуса.

Истерический нарратив очерка соответствовал провокационной авторской стратегии: Горбаневская стремилась отразить состояние человека, переживающего репрессии. Крайний ужас и отчаяние, пережитые ею, воплощались в соответствующей повествовательной манере. В авторскую стратегию входила аккумуляция защитных сил общественности в противодействии государственному насилию. Массовый читатель должен был ужаснуться, возмутиться и подняться на протест. Сильные эмоции автора могли бы спровоцировать аналогичные эмоции читателя. Однако истерика раздражает, но не убеждает. Истерический нарратив оказывает чрезмерное психологическое давление на читателя, от которого тот старается защититься недоверием к изложенным фактам или неприятием текста как такового.

Горбаневская, как литератор, тонко чувствующий слово, вероятно, ощутила эмоциональную избыточность как художественный изъян и отвергла её. Ни в «Хронике», ни в «Полдне» она не позволит себе ничего подобного. Первый выпуск «Хроники текущих событий» от 30 апреля 1968 г. (он назывался "Год прав человека в Советском Союзе") вышел через два месяца после происшествия. По признанию Ирины Максимовой, для бюллетеня «первые годы она все заметки и комментарии писала сама» [4. С. 269] (по сообщению Елены Сморгуновой, Горбаневская подготовила 11 номеров журнала [4. С. 271], её редакторство закончилось арестом 24 декабря 1969 года за издание в «Посеве» книги «Полдень». – *Е.С.*). Вот как рассказана недавняя история: «Н. Горбаневская, без предупреждения и без ведома родных, 15 февраля была перевезена из 27 роддома, где она лежала на сохранении беременности, в 27 отделение больницы им. Кащенко. Решение о переводе было принято с участием дежурного психиатра Тимирязевского района, а основанием для перевода были названы просьбы больной о выписке. 23 февраля Горбаневская была выписана из больницы им. Кащенко, так как психиатры признали, что она не нуждается в лечении» [5. С. 497]. Как видим, в данном случае найден эмоционально сдержанный и бесстрастный способ артикуляции, принципиально значимый, как подчёркивала диссидентка: «Ни в коем случае не жать на эмоции. Давать только информацию» [4. С. 279]. Смена нарратива весьма показательна: она свидетельствует об интенсивном поиске автором наиболее эффективных приёмов воздействия на читателя. Отношение к адресату в данном случае предельно уважительное: автор позиционирует себя как составителя, не более чем информатора и предоставляет читателю самостоятельно делать выводы о семантике зафиксированных событий. Суггестивности официальной прессы диссиденты противопоставили фактологичность, добившись этим гораздо большей убедительности и степени воздействия на читателя. За ориентацией Горбаневской и сменивших её составителей бюллетеня к «самоговорящей реальности» угадывается конкурентная авторская стратегия: вместо идеологически окрашенных статей официальной прессы, навязывающих читателю способы толкования социальных и политических событий, авторы «Хроники» предложили, на их взгляд, более действенный способ пропаганды собственных воззрений – через факт, лишенный комментариев: «"Хроника" не пыталась быть истиной в последней инстанции, она только собирала сведения. Не давала оценок. Это очень важно было. Принцип этот сохранялся до конца. Безоценочность. Только информация» [4. С. 279], – вспоминала Горбаневская спустя годы.

Показательно, что, изменив тип нарратива, ни Горбаневская, ни её единомышленники не переосмысливали семантики событий. Верная по изложенным фактам, заметка в «Хронике» безоговорочно приписывает случившееся к карательным мерам. Иная версия не допускается к рассмотрению. Через два года после описанных событий, в 1971 г., П. Литвинов поместит этот выпуск «Хроники» в книгу «Процессе четырёх» и тоже не подвергнет информацию корректировке [5. С. 497]. В том же году очерк «Бесплатная медицинская помощь» войдёт в сборник «Казнимые сумасшествием», изданный во Франкфурте-на-Майне издательством «Посев». В это время, в 1971 г., Горбаневская находилась в спецпсихбольнице. Публикация очерка являлась акцией социально-политической, призванной обвинить государство в использовании психиатрии в репрессивных целях и, возможно, смягчить участь заключённых в психбольнице.

Корпоративная солидарность в интерпретации происшествия 1968 года объясняется широтой репрессивных акций в адрес «подписантов». Литвинов привёл следующие данные: из 700 защитников Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой больше 130 человек были подвергнуты различным мерам воздействия. Принудительное лечение в спецпсихбольницах было одной из них, прак-

тикуемых до и после описанных событий. Каждый подобный факт становился объектом пристального изучения нонконформистов. В 1966 г. – два «фигуранта» «дела четырёх», Юрий Галансков и Алексей Добровольский, были помещены в психлечебницу. Горбаневская была дружна с Галансковым, посвятила этому событию стихи и принимала активное участие в его судьбе. В 1970-е гг. использование психиатрии в репрессивных целях подтолкнёт правозащитников Семёна Глузмана (врач-психиатр) и Владимира Буковского к изданию специальной книги «Пособие по психиатрии для инакомыслящих» (1974 г.) и созданию неофициальной «Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях» (1977–1981 гг.). В свете этого знания опасения Горбаневской, высказанные в очерке, выглядят не такими уж безрассудными. В книге «Полдень» автор подтверждает свою версию событий: «... я получила наглядное доказательство, что вся эта история с больницей была прямым делом рук КГБ» [3. С. 74].

Главным текстом Горбаневской явилась книга «Полдень», составленная по горячим следам демонстрации против ввода советских войск в Чехословакию, проведённой 25 августа 1968-го года семью участниками – Ларисой Богораз, Натальей Горбаневской, Татьяной Баевой, Павлом Литвиновым, Владимиром Делоне, Константином Бабицким, Владимиром Дремлюгой, Виктором Файнбергом. Модель гражданского и авторского поведения, способы осмысления и артикуляции события, зафиксированные в книге, отражают не только личный диссидентский и литературно-публицистический опыт Горбаневской, но и весь комплекс мер по противодействию власти, накопленный к этому времени сообществом нонконформистов. Форма протеста – демонстрация – апробирована в «деле Синявского и Даниэля» и «процессе четырёх». Способ артикуляции – книга-отчёт, вариант Белой книги – легитимизирован трудами Ф. Вигдоровой («Запись суда над И. Бродским»), А. Гинзбурга («Белая книга по делу Синявского и Даниэля»), Вяч. Черновила (сборники о политических преследованиях на Украине «Правосудие или рецидив террора» и «Горе от ума»), П. Литвинова, А. Амальрика («Процесс четырёх»). Модель поведения участников определена предыдущими судебными процессами.

Горбаневской сохранена семантика текстов предшественников и жанровые принципы книги-отчёта: повествованию о демонстрации предшествует корпус документов, составленный из статей иностранных и советских газет, центральная часть – рассказ о демонстрации различными участниками и очевидцами. Затем – судебная хроника в её традиционной форме (запись по дням с соблюдением диалогической формы изложения, дополненная выдержками из СМИ). В финале – рассказ о судьбе фигурантов после суда. Однако, будучи непосредственной участницей событий, она не может ограничиться ролью стороннего, пусть и сопереживающего наблюдателя. Автор разъясняет мотивы поведения демонстрантов, сопоставляет своё видение событий с восприятием других участников – словом, предлагает читателю личную версию, не скрываясь за беспристрастностью. Её авторская стратегия строится не только на традиционных в поэтике книги-отчёта приёмах (компоновка материала по тематическим блокам, композиционная структура), но и на моделировании собственной концепции.

«Полдень» составлялся в течение года, непосредственно после описанных событий. Текст сохраняет драматичное переживание автора, созвучное не только фигурантам дела, но и либеральной интеллигенции, пережившей крах «пражской весны» как личную и коллективную трагедию. «Полдень» отразил не только индивидуальную, но и коллективную идентичность – травматичное осмысление ситуации и себя в ней, свойственное сообществу либеральной интеллигенции. Твардовский записал тогда в дневнике: «29.VIII.68. Пахра. Страшная десятидневка.

Что делать нам с тобой, моя присяга,
Где взять слова, чтоб рассказать о том,
Как в сорок пятом нас встречала Прага
И как встречает в шестьдесят восьмом –

<...> Встал в 4, в 5 слушал радио – в первый раз попробовал этот час (в столь раннее время Твардовский мог слушать только западные радиостанции, так как советское радио начинало работу в 6 часов утра. – Е.С.). Слушал до 6, курил, плакал, прихлёбывая чай» [6. С. 219-220]. Степень потрясения поэта чрезвычайно велика, она свидетельствует о глубоко драматичном переживании происходящего.

Очевидно, что событие не может быть травматичным изначально. Травма индивидуальная, а тем более коллективная – формируемый процесс. Жизненный опыт становится таковым в результате погружённости личности в культурный и социальный контекст. Он предполагает восприятие, осмысление и артикуляцию события в качестве коллективной травмы. Военное вторжение в Прагу травмирует поколение советской интеллигенции, поскольку входит в контекст пережитого в эпоху ярого

тоталитаризма. То, что вчера казалось угрозой – сползание страны в неосталинизм, стало неотвратимой реальностью. Надежды на «пражскую весну» как реализацию собственных чаяний на возвращение социализму его подлинного, гуманистического, наполнения расстреляны советскими танками. И так же, как в худшие, сталинские, времена, рядовые граждане не осознают значения случившегося. Верят пропагандистской лжи о «братской помощи» чехам и словакам в подавлении контрреволюции.

На переживаемое потрясение диссиденты отвечают реакцией аффектированной, но вполне предсказуемой в контексте предварительных акций. Демонстрация протеста видится участникам вполне адекватной формой выражения идейного и нравственного сопротивления действию властей: «Я думала: что делать? Демонстрация представлялась мне единственно осмысленным актом – единственно по-настоящему *демонстративным* (курсив автора. – Е.С.). При этом я по природе не склонна к такому виду протеста <...>. Но тут я чувствовала, что ничем таким («ничем таким», то есть составлением «Хроники». – Е.С.) не могу ограничиться. Демонстрация – и только. Но то же самое решили и мои друзья <...>» [З. С. 9].

Осмысление и артикуляция случившегося потребовали от поколения нового понимания логики истории и роли личности. «Старшие шестидесятники» (Солженицын, Чуковская, Вигдорова) воплощали типичную для интеллигенции начала 1960-х годов позицию: история движется поступательно, социальный прогресс неостановим. Реставрация сталинизма – очевидный всем здравомыслящим людям общественно-исторический регресс. Это явление временное, преодолимое волевым усилием масс и каждой отдельной личности. Сплотив силы передовой части населения, можно вернуться на путь прогресса. Ради этой исторической миссии стоит приносить любые жертвы, включая собственное благополучие, рисковать свободой, положить жизнь.

Такой позитивистский взгляд на историю не выдержал испытания. Он потребовал переоценки всех базовых позиций. Интеллигенция должна была ответить на вопросы: рационально или фатально движение истории, способна ли личность противостоять её разрушительным силам и есть ли в этом смысл.

Ответы Горбаневской выдержаны в духе экзистенциальной философии. Выход демонстрантов на Красную площадь – потребность гражданской и личной совести, диктующей действия не прагматичные, но морально-нравственные.

Демонстранты ясно осознавали обречённость и политическую неэффективность выбранной формы протеста. В воспоминаниях участников автор акцентирует краткосрочность акции: «несколько минут» (Горбаневская), «15 минут» (Баева), «22 минуты» (А. Самбор, очевидец). Однако действие, бессмысленное с точки зрения житейской прагматики, имеет для демонстрантов иное, нравственно-этическое измерение. Оно самодостаточно и самоценно: «... если даже один человек не одобряет “братскую помощь”, то одобрение перестает быть всенародным. Но, чтобы это стало ясно, нам было мало “не одобрять”, сидя у себя на кухне. Надо было в той или иной форме заявить об этом открыто» [З. С. 7]. Нравственность – сила духовно-практическая. Мораль, не подкреплённая поступком, лжива. Такая трактовка этики предполагает способность не только говорить правду открыто и недвусмысленно, но доказать возможность жить по совести поступком, социально значимым, граждански мотивированным.

Духовная свобода – основной критерий личности. Она реализуется в социальных действиях. Каждый ответственен за свою индивидуальность, сохранение личностного начала. Выходом на площадь демонстранты доказали свою личностную и историческую состоятельность.

Место проведения демонстрации семантически значимо. Красная площадь – символ российской государственности и сердце Москвы. Участники акции протеста расположились у подножия Лобного места лицом к Историческому музею, дав таким образом дополнительную оценку ситуации: они, как «застрельщики истории», готовы принести себя в жертву ради искупления общенациональной вины.

Демонстрация осмыслена автором как экзистенциальный вызов обществу и государству, не способным его выдержать. Смысл своей акции демонстранты выразили лозунгами: «За вашу и нашу свободу», «Да здравствует свободная и независимая Чехословакия» (по-чешски), «Руки прочь от ЧССР», «Долой оккупантов». Реакция горожан свидетельствует о неподготовленности обывденного сознания к восприятию точки зрения, резко отличной от растиражированной в советской печати: «Стоящие вокруг больше молчали, иногда подавали неприязненные или недоумённые реплики. Два-три оратора <...> произносили пылкие филиппики, основанные на двух тезисах: «мы их освобождали» и «мы их кормим»; «их» – это чехов и словаков. Подходили новые любопытные, спрашивали: «Что здесь?» – «Это сидячая демонстрация в знак протеста против оккупации Чехословакии», – объясняли мы. «Какой оккупации?» – искренне удивлялись некоторые. Всё те же два-три оратора опять

кричали: «Мы их освобождали, 200 тысяч солдат погибло, а они контрреволюцию устраивают» <...> Я на слова «Как вам не стыдно!» сказала: «Да, мне стыдно – мне стыдно, что наши танки в Праге» [З. С. 41]. Участники акции протеста, действительно, предложили очевидцам непростой выбор: житейская логика или нравственная. При этом следует признать, что из предложенных лозунгов, призванных сыграть роль коммуникатора с неподготовленными очевидцами, лишь один – «Руки прочь от ЧССР» – мог быть понят без особых усилий. Восприятие лозунга «За вашу и нашу свободу», принадлежавшего польским повстанцам XIX в. и взятого на вооружение русскими демократами, требует определённых гуманитарных знаний, а призыв на чешском языке едва ли вообще поддавался осмыслению и, вероятно, был адресован иностранным корреспондентам и мировой общественности. Погружённые в нравственно-этическое измерение действительности, герои и не продумывали реакцию горожан. Готовые к провокациям со стороны власти, они оказались не подготовлены к диалогу с обычным рядовым человеком. Их толкование поведения очевидцев поэтому полностью уложилось в привычный для среды нонконформистов тезис об идеологической одурманенности народа.

Это нисколько не умаляет нравственной значимости и экзистенциального звучания их поступка. Демонстрация была социальной провокацией, но особого свойства: герои руководствовались экзистенциальным осмыслением проблемы личной вины каждого за совершающиеся политические злодеяния. Общество не выдержало испытания экзистенциальным вызовом. Суд продемонстрировал неспособность государства к критической самооценке.

К концу 1960-х гг. технология политических репрессий была сформирована и хорошо знакома диссидентам. Это нашло отражение в книге. Автор останавливается на подготовительной работе, проведённой фигурантами перед демонстрацией: адвокаты были заранее извещены о готовящейся акции, самиздат из квартир ликвидирован на случай обыска, друзья, единомышленники и родственники понимали, как себя вести.

Композиция судебной хроники отразила новую расстановку сил: акцент в ней сделан на сцене заключительного выступления обвиняемых. Их «Последнее слово» звучит как обвинительный приговор власти, очередная демонстрация гражданских прав личности. Л. Богораз: «Для меня промолчать – значило присоединиться к одобрению действий, которых я не одобряю. Промолчать – значило для меня солгать. Я не считаю свой образ действий единственно *правильным*, но для меня это было единственно *возможным* (курсив автора. – Е.С.) решением. <...> Если бы я этого не сделала, я считала бы себя ответственной за эти действия правительства, точно так же, как на всех взрослых гражданах нашей страны лежит ответственность за все действия нашего правительства...» [З. С. 205]. В том же духе высказываются остальные фигуранты.

Поведение обвиняемых, как убеждает читателей автор, рождено уверенностью в невозможности исторического обновления без борьбы, в ходе которой преодолевается социально отжившее, политически обречённое. Горбаневская переосмысливает традиционное толкование героизма в экзистенциальном ключе: герой – это не исключительная личность, совершающая поступок, не допускающий аналогов, а обычный человек, осознавший ситуацию как лишённую альтернативы. Он вынужден стать героем, поскольку не желает мириться с победившим злом и стремится сохранить собственную личную идентичность. Отвечая на вопрос журналистов 1990-х гг., кто они – «герои или безумцы», Горбаневская сказала: «Просто люди, пожелавшие поступить по совести» [З. С. 7].

В заключительной части книги Горбаневская вновь вернулась к вопросу о целесообразности демонстрации. Либеральная интеллигенция не сразу сумела оценить подлинное значение действия. По аналогии со словом «самосожжение» (имелось в виду самоубийство чешского студента Яна Палаха) в ближайшем окружении демонстрантов возникло ироничное «самосажание», содержащее эмоциональную оценку их поступка. Но, в отличие от массового сознания, тяготеющего к консервации однажды найденных механизмов объяснения явления, и государства, подменившего рефлексию идеологией, интеллектуальное сознание продемонстрировало способность переоценить собственные ошибочные суждения, признать непреходящую нравственную ценность поступка демонстрантов. И сегодня многие помнят тот урок гражданской отваги. А. Гербер, президент фонда и сопредседатель центра «Холокост», призналась однажды: «Я тяжело пережила 1968 г., когда самые мужественные вышли на Красную площадь в поддержку Чехословакии. Меня, как и многих шестидесятников, там не было. Вот когда я поняла, что я не простая шестидесятница, а типичная советская шестидесятница. Я не знала тогда этих людей, но если бы и знала, то не уверена, что была бы рядом с ними» [1. С. 46].

Главный вопрос книги, мучительно осмысливаемый автором, о возможной предрешённости хода советской истории получил разрешение. В атмосфере безвременья, «исторического антракта»

определена и изначально задана логика поведения власти, но будущее страны не фатально, оно отвоёвывается гражданами в каждый момент повседневной жизни. Личность, не полагаясь на общественную поддержку, вынуждена руководствоваться принципом «делай что должно, и будь что будет». Акцент в книге сделан на способности человека сохранить духовную свободу, принять на себя ответственность за ход социальной истории.

«Полдень» – средство конструирования группового неконформистского сознания, способ осуществления исторического самосознания и интерпретации личного гражданского опыта автора. В книге реализована защитная авторская стратегия: в задачу Горбаневской входила защита нравственной и гражданской позиции, своей и единомышленников. Концепции книги соответствует экзистенциальный нарратив.

Итак, три текста, созданные Горбаневской в течение одного года, демонстрируют динамику личностной идентичности автора. Первая, лишь предполагаемая карательная акция со стороны государства, вызвавшая крайний ужас, реализовывалась в истерическом нарративе очерка «Бесплатная медицинская помощь». Это был начальный этап становления борца с режимом. «Хроника» отразила потребность автора отойти от найденного в очерка способа артикуляции во имя более взвешенной и убедительной повествовательной манеры. «Полдень» представил автора зрелой личностью, в полной мере осознающей ответственность за свои антиправительственные действия, но не отступающей перед страхом неизбежных репрессий. Фиксируя в литературно-публицистических текстах собственное проживание истории, Горбаневская реализовывала не только личную, но и коллективную идентичность: от имени маргинального, с точки зрения власти, сообщества утверждала право именоваться не жертвами истории, а её активными творцами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гербер А. Шестидесятничество – это прежде всего состояние души // Шестидесятники / сост. М.Ш. Барбакадзе. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2008. С. 44-47.
2. Горбаневская Н. Бесплатная медицинская помощь // Самиздат века / сост. А.И. Стреляный и др. М.: Полифакт, 1999. 1192 с.
3. Горбаневская Н. Полдень: Дело о демонстрации на Красной площади 25 августа 1968 года. М.: Новое издательство, 2007. 304 с.
4. Поэтка. Книга о памяти: Наталья Горбаневская / авт.-сост. Л. Улицкая. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2014. 414 с.
5. Процесс четырех: Сборник материалов по делу Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой / сост. и коммент. П. Литвинов. Амстердам: Фонд им. Герцена, 1971. 634 с.
6. Твардовский А. Новомировский дневник: в 2 т. М.: ПРОЗАиК. 2009. Т. 2: 1967–1970. 640 с.

Поступила в редакцию 14.04.16

E. G. Serebryakova

A DISSIDENT IN THE SEARCH FOR SELF-IDENTITY (BY LITERARY AND JOURNALISTIC HERITAGE OF N. GORBANEVSKAYA)

The researcher analyzes the author's strategy in N. Gorbanevskaya's texts of 1968: essay «Medicare», the anthology «The Chronicle of Current Events» and the book «Noon». The main aim is to identify the ways to evaluate the self-identity of the author and the specifics of narrative. The researcher studies the dynamics of the author's strategy and makes a conclusion: the author's strategy specifies the type of narrative in each text. Self-identification is made in traditional way for dissident community: the author describes herself as a fighter with the regime.

Keywords: dissidents, non-conformists, strategy of author, N. Gorbanevskaya.

Серебрякова Елена Геннадьевна,
кандидат филологических наук, доцент
кафедры культурологии
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
394006, Россия, г. Воронеж, Университетская пл., 1
E-mail: Serebrjakova@phipsy.vsu.ru

Serebryakova E.G.,
Candidate of Philology, Associate Professor
at Department of cultural studies
Voronezh State University
Universitetskaya sq., 1, Voronezh, Russia, 394006
E-mail: Serebrjakova@phipsy.vsu.ru